

К III 1414697

Главное управление МЧС России по Вологодской области

НАША ПОБЕДА!

22 ИЮНЯ 1941
-9 МАЯ 1945

Специальный выпуск посвящён
65-летию Великой Отечественной Войны

2010

63.3(2)622.78

437

ткр + кмц

63.3(2)622.782(240г-11вол)

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ!

День Победы, который мы отмечаем 9 мая – по-настоящему великий и дорогой для всех праздник. Это священная дата в нашей истории. 65 лет назад отгремели последние залпы жестокой войны. Десятки миллионов жизней унесено, нет ни одной семьи, кого бы в той или иной степени не коснулась горечь утраты. Ценой невероятных усилий была достигнута победа. Выжив в войне с фашизмом, Вы вернулись к строительству новой жизни.

9 мая, День Победы - дорогой, трагичный и скорбный, но в тоже время светлый праздник. Это наша история, история семьи, история нашей страны. Всегда будем помнить тех, кто отдал свою жизнь во имя мира. Спасибо за наших детей и внуков, за их счастье.

Дорогие ветераны! Примите мои искренние поздравления! Желаю Вам крепкого здоровья! Мира вам и вашим близким. С Днем Победы!

*Начальник Главного управления
МЧС России по Вологодской области
генерал-майор Василий ЕКИМОВСКИЙ*

БАЛАШОВ ГЕРМАН ПАВЛОВИЧ

Родился 21 февраля 1925 г. в деревне Нагорское Вологодской области. На начало Великой Отечественной Герману было 16 лет. Будучи в Вологде, о нападении немцев услышал по городскому радио. Трое друзей в 10 утра, находясь у памятника Ленину, в числе остальных горожан, слушали выступление Молотова.

- Мы написали заявление о добровольном вступлении в Красную Армию. Тогда я летал в парашютно-планерном клубе. Наша группа вся написала заявление о вступлении в ряды Красной Армии. В военкомате и объявили - готовьтесь, скоро поедете.

Отправили нас в Васильковское военное авиационное техническое училище, учиться на штурмовики ИЛ-2. Васильково находилось под Киевом, на окраине. Его эвакуировали в Челябинскую область, город Миасс. Закончил я его с отличием. К этому времени оно уже стало школой механиков. Нас выпустили досрочно. Провели экзамены и сказали, появилось много штурмовиков ИЛ-2, в армии сейчас нужда в механиках. По приказу Сталина выбор будущего места службы оставался за мной: Гвардейский полк, Военно-инженерная академия или летное училище. Так как в Вологде летал на планерах - написал рапорт в летное. Но не удалось туда попасть сразу. В училище обещали отправить потом, после войны, когда немцев разобьем.

Привезли нас на станцию Кряж – между Куйбышевым и Чапаевском, в 12 штурмовой полк. Меня записали механиком в эскадрилью штурмовиков. Полк, в основном, переучивал летчиков на ИЛ-2. После летчиков отправляли в воинские фронтовые части, с самолетами, заряженными пушками и пулеметами. Прилетали туда звеньями, а иногда даже эскадрильями. Наши инструкторы периодически также направлялись во фронтовые части как бы на стажировку. Нас - вместе с ними. Через три месяца возвращались обратно. Правда, не все, в тыл мало кто хотел вернуться.

Действовать нужно было быстро: подвесить бомбы, зарядить пушки, пулеметы, подвесить реактивные снаряды. Один механик что сделает? Обычно все звено самолет готовило, потом второй, третий. Штурмовики летали недалеко, у них всего было 40-50 минут в воздухе. Поэтому обычно аэродромы, с которых они поднимались, были вблизи от фронтов, боевых частей.

Ил-2 создан до войны, воевал еще на Халхин-Голе. Моторы и кабина с одним летчиком защищена броней экранированной. Стрелка тогда не было. Когда я его начал изучать – только-только сзади кабины летчика проделали вход, поставили фонарь и посадили стрелка-радиста. Сначала был пулемет 12-миллиметровый УБТ - универсальный Березина турельный, то есть стоял на шаре, вращался во все стороны. Потом Б-20 пушку поставили.

Самое большое напряжение – когда бомбили шестерками немецкие воинские эшелоны, то есть, когда по 6 самолетов летало. Иногда совершали до пяти вылетов в день. Приземлился – сразу бензин, масло, водичку залить – с водой двигателя были, пушки зарядить, пулеметы, бомбы подвесить, реактивные снаряды.

Прилетели, помню, на действующий аэродром. Как раз были наши летчики, человека три, остальные – молодежь, выпускники энгельского училища. Прежде, чем на боевой вылет отправиться, надо попасть на полигоне в стометровый круг. Летчиков построили, командир полка говорит, сейчас инструктор покажет, как надо бить. Тот – по кругу неинтересно, нужна единичная цель. А они, пока переучивали летчиков, стреляли как снайперы. Командир говорит шоферу, отгони мой «Виллис» в конец аэродрома и уходи. Инструктор взлетел, зашел, нацелился, спикировал. От той машины только колеса полетели.

В начале 45-го уже был зачислен курсантом в Высшее Балашовское училище и летал на УТ-2. Ночью объявили по радио – немцы капитулировали, Берлин взят, война кончилась. Мы были на полевом аэродроме. Это было в 4-5 утра, еще подъема не было. Мы вскочили, похватали винтовки и расстреляли все патроны, которые были – салют давали. Нас, курсантов, было более 100 человек.

Потом, после войны, я учился на скоростной бомбардировщик и пикирующий бомбардировщик. Потом Ил-4 дали – дальний бомбардировщик ночной. На нем командир полка Преображенский, наш вологодский, в 1941 году бомбил Берлин. Полк стоял на острове Сааремаа в Балтийском море, оттуда летал.

Через пять лет с отличием закончил училище. Меня оставили летчиком-инструктором, получил звание лейтенанта. Начал летать на Ли-2. Летчиков отправляли на Украину в Нежин, там они переучились на ТУ-4, тяжелые бомбардировщики. От нас они шли в полк боевого применения, в Узин и Нежин. Затем в Умани, на Украине, сделали училище дальней авиации на самолете Ил-4. Меня туда. Потом, по личному приказу Сталина, списали Ил-4, сняли с вооружения. Появились реактивные бомбардировщики Ил-28. Меня из Умани в Кировоград отправили переучиваться на них. Потом предложили поехать во Фрунзе – новое училище для иностранцев. Меня записали туда и сказали подобрать себе экипаж. В этом училище вся Африка была, Индонезия, Египет, Иран, Ирак, Индия. Были кубинцы и поляки. Президент Египта – Хосни Мубарак – летал, сирийский президент.

Я троих лаосцев выпускал. По настоящему, они были из Вьетнама, но записаны как лаосцы. Это была секретная информация. Их фамилии до сих пор помню – Лонг, Дуонг и Хоа. Лонг летал хорошо, Хоа – тоже. Они летали самостоятельно с левого сиденья. А Дуонга не мог выучить, так его с правого сиденья и отправили. То есть ему разрешается взять штурвал только в воздухе, если не ниже 300 метров. А взлет-посадка – штурвал берет левый летчик, командир. Не было у него склонности, это как водитель автомобиля – кто-то может, а кто-то нет. Так он с Хоа на правом сиденье полетел. Один из ребят присылал мне письмо во Фрунзе: «товарищу майор Балашову». И сюда, в Вологду, приходило приглашение посетить страну. Когда они уезжали, подарили маленькую скульптуру солдата с автоматом

В 1970 году я ушел в запас. Поехал в Вологду, у меня здесь мать и отец жили. Старые, одни, в частном домике на улице Кирова. Приехали я, жена, двое детей и теща. Тогда по приказу через три месяца демобилизованных военных обеспечивали квартирами.

Со штаба Гражданской обороны области, только Худякова поставили, предложил придти преподавателем. В общей сложности системе ГО отдал 18 лет.

ЕКИМОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 5 февраля 1923 года в деревне Токарево Кичменско-Городецкого района Вологодской области. Василий Васильевич старший из трех сыновей. Три года до армии работал в лесу: толщина дерева не уступала длине пилы. Последний, четвертый год, работал на сплаве в Великом Устюге. Записались со знакомым в воздушно-десантные войска. Считали, как призывать будут – пойдут туда. Война распределила так, как ей нужно.

- 22 июня 1941 года меня застала на работе, на сплаве. Кто-то прибежал из города и сказал, что объявлена война. Все работу побросали - и в город. Там – митинги, в том числе в центре. Говорили: на нас напали, пусть записывают нас на фронт. Весь день только и говорили «война-война».

В августе 41-го мне вручили повестку из Горкома комсомола. Собралось нас человек пятнадцать в этот день, мне было 18 лет. Посмотрел на нас секретарь горкома комсомола. Поблагодарила за дисциплинированность и стала объяснять обстановку: война, наши отступают, а немцы все продвигаются. У кого есть желание вступить сейчас в армию – пишите заявление. Мы и написали, как добровольцы. Хотя можно было не спешить, потом призвали бы. Так как брали тех, кому 20 лет исполнилось. Чего там ждать, раз такое дело! Нас оформили, что мы годные в воздушно-десантные войска. Эта справочка мне потом пригодилась. Но, вместо ВДВ, нас отправили в Высокогорку Архангельской области.

Здесь сделали гарнизон и разместили два полка. Прошли курс молодого бойца. Обмундирования, чтобы нас одеть – не было. В чем приехали, в этом дней пятнадцать находились, в нем же спали, ходили. На ужин менялись: ты сегодня за меня поешь, я завтра за тебя. Грязища – невозможная, условия - ужасные.

Боевая подготовка: боеприпасов нет. Вся подготовка – штыковой бой. Одна винтовка на 10 человек и то, с дырочкой. «Длинным - коли, коротким - коли!». Мы прекрасно понимали – это не учеба никакая. Везде автоматическое оружие. Так мы протолкались целый месяц в Архангельской области.

На октябрьские праздники пришел командир роты. Ради этого дали дополнительно по стакану компота. Командир сказал, дорогие друзья, мирная жизнь закончилась, наступает боевая, едем на фронт, как получим теплое обмундирование, оружие, боеприпасы. Тут могу похвалить наше начальство – овчинные шубы выдали «с иголки», ватные теплые брюки и нательное теплое белье. На ногах – валенки. Хотя и были варежки трехпалые – руки мерзли.

На фронт шли от города Тихвин до Волоховстроя, последней станции, и повернули на юг. Многие на этом марше не дошли. Человек засыпал на привалах, если его не разбудят – все. Таким образом, погибло в дороге с десяток человек. С едой тоже плохо.

Давали булку хлеба на четверых, мы их распиливали ножовкой, брикеты горохового пюре, немного сахара и 15 грамм колбасы. Все это на сутки. Тогда я не курил и не пил. Все, что у меня было – выменивал у танкистов, они лучше нас жили. Долго мы с ними шли. Так и менялись. Двигались по 11-12 км в сутки. Ночевали – где ночь застала. Морозы в 41 году были лютые.

На западном берегу реки Волхова наши отвоевали землянку, выгнали немцев. В три наката бревна, теплая. По ней потом стреляли – снаряды ее не пробивали. Это единственное место, где закрепились наши на другом берегу около станции Лездна. Мы немцев с верху видели, они нас снизу. Сколько там были - я нес службу по охране землянки.

Были ужасные моменты. Так, разведгруппа, в которую я входил, только что отстояв наряд, погибла, не сделав ни одного выстрела. От минометного огня меня спасла деревянная балка, неизвестно откуда взявшаяся в чистом поле. В разведку послали ребят, которые никогда этому делу не обучилась. От шквального огня, который по нам открыли, ночью стало так светло, как днем не бывает. Люди падали, как подкошенные, не успев сделать даже одного выстрела, умирали в судорогах. Я упал и нащупал что-то твердое возле головы. По мне, видать, били, а пули до меня не доставали. Начало стихать. Вышел посмотреть, глянул – там чурбак весь обожженный, а сверху, будто только сейчас срезанный. Он меня и спас. Смотрю, в каждого, наверно, 8 по тысячи пуль всажено. Мой друг буквально в четырех метрах умирал от меня, ничего нельзя было сделать. Вдруг – кто живой есть? Я отозвался командиру. Говорит – нам надо срочно уходить. Что я делаю, то и ты. Пошли обратно.

Подшли к Волхову, к нашей землянке. Зашли, наш командир и начальник штаба встали. Мы доложили: около десятка было – пришли в живых двое. Они - вы задание выполнили, будете представлены к правительственным наградам. Тут во второй половине землянки был капитан, как будто проснулся: а где мой адъютант? Вскочил, недолго думая, выхватывает пистолет. Тут один из начальников, бойкий парень свалил его, разрядил оружие и посадили взбунтовавшегося в угол. Он всю ночь, наверно, плакал. Это трагический случай.

20 января – 21 мая 1942-го я стал курсантом объединенных курсов усовершенствования и подготовки офицерского состава ВДВ Красной Армии. Уехал в штаб фронта в Ленинградской области. Оттуда на учебу, станция Нахабино в Подмосковье. На учебу выезжали на поезде километров 20 до Павловской Слободы. От нее еще 6 км пешком с парашютами на себе. Как только стемнеет – время наших прыжков. Днем ни в коем случае нельзя выполнять прыжки. Задание выполним – обратно. Ужинать и спать. Когда отогнали немцев, уже стали поблизости находить летные поля для десантирования и тренировочных прыжков. Тогда все подмосковные населенные пункты были наводнены десанниками.

В 1945 году я был еще на курсах усовершенствования. Мне подошел 22 год. Первый парад был, так называемый, первомайский. Мы неплохо выглядели и подготовились. После его окончания дан приказ: оружие не снимать – готовимся к Параду Победы.

Руки вспухали буквально, такие кулаки были! От непрерывных походов отекали буквально. Если ударить им кого-нибудь – тут же и погибнет! Ноги тоже отекали. Среди нас таких не было, кто войну не прошел. Что касается наградений – было не очень, несмотря на то, что воевали. Против авиации нищие. Выдали медаль за победу над Германией, так и ходили.

Тренировки проходили в парке в Сокольниках. Мы ездили каждый день, не то что, отдельные дни. Утром на электричку – и к Ленинградскому вокзалу, дальше пешком в парк. Здесь вместе с войсками Белорусского фронта тренировались. Они-то в наградах больно сильны! Но другой раз комендант их так ругал, на чем матушка стоит: 1-й Белорусский фронт не может ходить, забыли, что такое строевая! Видели на репетиции непонятное войско с палками. Никак не могли догадаться, кто они? Узнали потом – это тренировались те, кто бросал поверженные знамена к мавзолею Ленина.

Для нас генеральная репетиция была одна, для других войск устраивали дополнительные. Здесь я и увидел Покрышкина, летчика-истребителя, трижды Героя Советского Союза. Только мы встали, из-за полосы к нам движется строй. Во главе – человек с тремя золотыми звездами, мы сразу его узнали. Довел строй до нас, развернулся. Нам было интересно рассматривать летчиков, а им интересно нас. Если смотреть на физические качества – мы их превосходили.

Что касается наград – у них полная грудь! Но они приходили не с орденами, а с колодками.

Смотрел долго. Потом говорит, у нас еще и такие есть? Ему было удивительно, что перед самым парадом он увидел крепких здоровых ребят, такую силу, которая может воевать. Просил, чтоб нас отдали ему. А наш командир – нет, это резерв Сталина. На том и разошлись.

На самом параде Победы мы были далеко от Покрышкина и 1-го Белорусского фронта. Мы шли по улице Кирова. Это было что-то! Со всех балконов нам бросали цветы, записки с просьбой приходить в гости. Народ был очень рад! Когда проходили мимо трибун с правительством – косились. Помню, Калина с белой бородкой, он не сидел, все время бежал, рукой маха, держал возле носа платок. Прошли тожественным маршем – дальше бежали бегом. Попали под дождь: когда вышли напротив храма Василия Блаженного – грянул такой ливень! Я таких не видал.

После парада поехали в Нахабино, там погода отличнейшая. Каждому дали посылки с американским содержимым: полотенце, водка. Мне досталось две упаковки чая грамм по 50-60, я их сохранил. Когда пошел домой, от Кич.- Городка километров семнадцать идти, – навстречу табор цыган. Они меня окружили. Ну, думаю, отдам одну упаковку им. Отдал и не знаю, что делать дальше, цыгане шли за мной до самого Красавино, чтобы отдал вторую. В конце-концов говорю, стыд у вас есть?

За участие в Параде Победы меня и тех, кто был в составе сводного полка, поощрили благодарностью Верховного главнокомандующего – Сталина, за высокую строевую выучку и выправку.

После войны я объездил весь Советский Союз, подготавливая тысячи молодых ребят к прыжкам с парашютом и совершенствуя навыки летчиков: Кавказ, Север, Дальний Восток. В Комсомольске-на-Амуре прожил более 10 лет. После демобилизации переехал в Вологду, где 18 лет преподавал на курсах гражданской обороны.

ЛЕБЕДИНСКИЙ БОРИС АРОНОВИЧ

Трудно передать чувства, которые испытывал каждый из нас, когда уставшие, почерневшие о копоти, мы вышли из здания рейхстага и увидели на его куполе развевающееся наше Знамя Победы! Конец войне, конец кровопролитию!.. Вот он, долгожданный мир, вот оно, счастье народное!

- Каждый, кто имел возможность, стремился побывать у стен рейхстага, оставить на нем свой автограф или сфотографироваться на фоне проклятого миром логова фашизма. Честно скажу, в круговерти будней, мне было не до этого. А совсем рядом, по всей крыше, как малые грибочки - еще знамёна и флажки...

....20 апреля 1945 года в 11 часов утра дальнобойная артиллерия 1-го Белорусского фронта, в том числе и артиллерия 150-й стрелковой дивизии, нанесли мощный огневой удар по Берлину. А через две недели советские войска уже были в центре города.

Воины нашей дивизии вели бой за «дом Гимmlера», где располагалось Министерство иностранных дел Германии. А утром 30 апреля перед нами открылось большое серое здание рейхстага. Все его окна были заделаны кирпичом, оставлены лишь амбразуры для оружия. На северной и западной сторонах здания были установлены железобетонные дзоты. А перед фасадом на прямую наводку были поставлены орудия пяти батарей. Со стороны Бранденбургских ворот обороняющихся прикрывали танки и штурмовые орудия, врытые в землю. Подступы к рейхстагу со стороны северо-запада осложняла трасса открытого метро, заполненная водой. К заключительной схватке с гитлеровцами тщательно готовились все советские войска, с боями подошедшие к Берлину. В 13.30 30 апреля по врагу был произведен огневой удар силами всей артиллерии, в том числе и моей батареи.

22 апреля в ходе боя погиб командир батареи, я взял командование на себя. Начался штурм рейхстага.

Мое подразделение и Рогова действовали с закрытых позиций. Задолго до общего штурма рейхстага наши воины уничтожили вражеские укрепления, выводили из строя пулемёты, миномёты и орудия немцев, уничтожали живую силу противника. Подразделения 756-го и 674-го полков под шквальным огнем устремились вперед. Я засекал пулемётные точки, зенитные батареи врага и передавал команды на корректировку огня.

В 14.25 штурмовые группы ворвались в рейхстаг. Схватка с укрывшимися в подвалах гитлеровцами продолжалась до 1 мая. Лишь на следующий день вражеский гарнизон капитулировал. Мы сломали сопротивление двух тысяч эсесовцев и шестисот курсантов военно-морской школы, но какой ценой!

Утром 30 апреля наши войска отделяла от рейхстага лишь широкая площадь. К тому времени немцы затопили берлинское метро, так что на площади образовался большой котлован, наполненный стывшей водой.

Три танка рванули через площадь. Два сразу подбили, а третий утонул в котловане. После нескольких кровавых и безуспешных атак, штурм было решено отложить до наступления темноты. И тут случилось непредвиденное... Дело в том, что гитлеровскую цитадель штурмовали два батальона из 150-й и один из 171-й стрелковых дивизий. И каждый командир, конечно, же хотел быть первым. В 14.25 командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор Василий Шатилов неожиданно доложил в «верха», что знамя уже вьется над рейхстагом... Победная реплика мигом долетела до командующего фронтом Георгия Жукова, а от него – напрямехонько в Ставку Верховного. Кое-кто сразу же пригубил шампанского, и тут выяснилось, что знамени над рейхстагом нет! Что делать? Нельзя же доложить Верховному, извините, товарищ Сталин, ошибочка вышла...

Генерал Шатилов прекрасно понимал, где бы он оказался после подобного доклада, и поэтому приказал не медля ни секунды поднять над рейхстагом если не знамя, то хотя бы флажок. Но за день удалось продвинуться только на 150 метров...

Первое красное знамя появилось над поверженным рейхстагом только 30 апреля в 22.40. И подняли его не Мелитон Кантария и не Михаил Егоров, как нам твердили на протяжении десятков лет, и не бойцы из 150-й стрелковой дивизии, и не их «соперники» из 171-й. Тогда кто? Мало кто знает, что в боевых порядках генерала Шатилова в то время находилась компактная штурмовая группа в составе пяти человек – капитан Владимир Макаров из 136-й Режецкой Краснознаменной бригады армейской пушечной артиллерии, старшие сержанты Алексей Бобров, Гази Загитов, Александр Лисименко и сержант Михаил Минин.

В ходе боя им удалось «просочиться» на крышу рейхстага. По пути они выломали длинную, здоровенную железную трубу и уже на крыше просто привязали к ней носовыми платками красное знамя. При этом, Загитов был ранен...

Куда водружать? На фронтоне увидели конную женскую статую и воткнули трубу прямо ей в корону... Воткнули в голову какой-то немецкой б..., - лаконично доложил капитан своему начальству.

Егоров и Кантария из 150-й стрелковой дивизии, которые действовали во втором эшелоне во главе с заместителем командира батальона по политической части, лейтенантом А.Берестом при поддержке автоматчиков роты под командованием И.Сьянова, появились на крыше только в третьем часу ночи. Своё знамя они установили на статуе кайзера Вильгельма II, а чуть позже перенесли на купол рейхстага. В дальнейшем оно и стало Знаменем Победы, ныне хранящемся в музее Вооруженных Сил. А красное полотнище, которое первым появилось над рейхстагом, конечно же, не сохранилось.

А потом была победа и раздача наград. Я удостоен ордена Красного Знамени. Пятёрка Макарова – представлена к званию Героя Советского Союза, но получила только по ордену Красного Знамени. А знаменитым и именитым Егорову и Кантария Золотые Звёзды были вручены только в 1946 году, когда именно их решено было назначить первыми. К слову сказать, сами они в «первачи» никогда не рвались.

После войны судьба пятёрки «макаровцев» сложилась почти благополучно. Капитан Макаров дослужился до полковника, Загитов стал председателем сельсовета в родном башкирском селе. Не повезло только старшему сержанту Алексею Боброву. Вернувшись после войны в Ленинград, он, проживавший в сырой подвальной комнатёнке, решил на правах фронтовика добиваться улучшения жилищных условий. И поругавшись как-то с чиновником из жилуправления, запустил в него чернильницей. Дали шесть лет! Пока сидел, из истории его вычеркнули.

Я после победы попал в Вологду, где служил в 118-м артиллерийском полку, дислоцировавшемся в «Красных казармах». Был начальником областных курсов гражданской обороны – заместителем начальника штаба гражданской обороны Вологодской области.

ФРОЛОВ НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ

Родился 29 ноября 1925 года в селе Введенское Московской области. Воевал на Волховском фронте. После школы работал в колхозе разнорабочим. В феврале 1943, не достигнув 18 лет, призван в армию.

- Мы с друзьями-приятелями из Введенского и рядом стоящей деревни попали в одну часть: Московский военный округ, войсковая часть №232-ОСП (Отдельный стрелковый полк). Там я обучался на миномётчика 82-миллиметрового миномёта. Учеба проходила почти круглые сутки: днем и ночью.

Нашу 232-ю перевели в действующую 15-ю дивизию, которая находилась на переднем рубеже под городом Истра. Держали оборону от прорыва немцев под Москву. Перестрелка шла с обеих сторон. Были жертвы. По указанию командования из дивизии было выделено шесть-восемь человек, лучших солдат, для учебы в сержантской школе на младших командиров. Командиров не хватало, особенно младших. Я попал в это число.

Только отобрали, и через два дня дивизия пошла в наступление. У ребят не было боевого опыта, воевать не умели. Пока живы - беседовали, шутили и смеялись. Мины рвались кругом и везде. Думали, останемся на той стороне, не вернемся в свои родные края. Хорошо, что я попал в минометную часть. Командир у меня хороший был – фронтовик, а кто в пехоте – те в наступление пошли. Мы где-нибудь в строении миномет поставим и начнем мины бросать в сторону противника. Вот и остались я и еще один. Остальные все мои товарищи, с кем призывался - погибли. На Москву мясорубка была.

Письма до родителей доходили очень аккуратно. Они знали, где я нахожусь, в каком месте. Почта работала безотказно, дисциплина была сильнейшая. Кормили же очень плохо: хлебушек да супчик, бульончик жиденький, каши. Каши разные – овсяные, из крупы, перловые. Когда три раза в день кормили, когда два, по-разному. Все это переносили не ропща. Перед завтраком приносили хлеб. Старший нарежет буханку на десять кусочков и кричит, чтоб никаких претензий не было – кому? Некоторые ведь, завистливые были, спрашивали, а почему себе больше оставляешь?

Наши разведчики к немцам в тыл за «языком» ходили. Когда приводили в дивизию – мы любопытничали. Смотрели, как одеты, вооружены. Вели они себя спокойно. Кто попадает в плен – тише травы. Никто не проявлял недовольства к немцам. Такие же люди, как и мы. Они солдаты и мы – солдаты. Воюют не по своему желанию, а по приказу.

К Сталину было хорошее отношение, кричали: «За Сталина! За Родину!» К приказу «Ни шагу назад!» относились с пониманием. Все прекрасно знали – его нужно выполнять. Если не будешь – сзади НКВДшники, получишь свое. У нас их не было, а на передовой – всегда. В каждом полку, в каждой дивизии находились эти представители Бериин.

У меня первый брат Михаил 1918 года рождения, призван в 1938 году. Попал на Дальний восток. Другого брата, Павла, 1920 года рождения, взяли в 1940 году. Он попал в Выборг, в офицерскую школу. Перед войной финны знали, что будут объединяться с Германией и вести войну против Советского Союза.

В выходной день полк пошёл купаться. Финны окружили всех в воде и расстреляли. Кто сумел найти способ остаться в живых – остался. Выжили несколько человек. Виктор, сосед Павла, с кем призывались, был очень хитрый: берега крутые, нашел тростник - в рот и под берег. Только этим спасся. Я открытку получил и письмо от него. Писал: на моих глазах такая резня происходила! Финны всех расстреляли и порезали. Буду жив – приеду и расскажу. Но Виктор погиб в последние дни войны в Чехословакии, 7 мая. Не приехал, не рассказал.

В конце 1943 – начале 1944 года меня перевели служить в 259 танковый батальон в Ивантеевке Московской области. В этой части служил до 1948 года.

О нашей победе услышал 9 мая по радио. Как раз перерыв на обед был. И плясали, и кричали «Ура!». В общем-то, ожидали её уже.

За боевые заслуги я награжден орденом «Отечественной войны» II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», медалью Жукова, знаком фронтовика 41-45 года.

В Вологде попал переводом, в 259 отдельный танковый батальон. Потом на его базе создан развернутый танковый полк 83333. Здесь я служил командиром танка у командира полка, также был начальником физподготовки.

В 1974 году присвоили звание прапорщика и поставили на должность старшины третьего танкового батальона, исполнял обязанности начальника полигона. Один полигон был у меня здесь в Вологде, для стрельбы на три дорожки, то есть для трех танков. А на Кущубу выезжали стрелять боевыми снарядами.

На пенсию вышел в ноябре 1974 года. В вооруженных силах прослужил более 30 лет. После армии перешел в Штаб Гражданской обороны. В общей сложности в системе Гражданской обороны проработал 18 лет.

[30=00]

БАЛАШОВ ГЕРМАН ПАВЛОВИЧ

ЕКИМОВСКИЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ЛЕБЕДИНСКИЙ БОРИС АРОНОВИЧ

ФРОЛОВ НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ

[Виктор]